

### Консерватизм и современность

*В.М. Межуев, доктор философских наук*

Здесь собрались люди разных профессий, и потому каждый предпочитает мыслить и говорить на языке той науки, в которой он работает. Я понимаю, что у некоторых присутствующих доклад может вызвать оторопь. Для меня же он — образец современного социально-философского стиля мышления. К сожалению, мое поколение так говорить и писать не умеет. Доклад мне понравился, прежде всего, стилистически: точно выверенные фразы, четко сформулированные мысли. Философ так и должен ставить проблему: в чем состоит *идея* консерватизма, а не как он трактуется людьми, часто по недоразумению называющими себя консерваторами. Я, например, всегда хотел разобраться в том, в чем состоит *идея* социализма (для моего времени она была вполне актуальной).

Докладчик ставит вопрос об идее консерватизма, полагая, видимо, что она более созвучна нашему времени. Я согласен с ним: консерватизм — современная идея и вполне вписывается в современный политический и научный дискурс. Консерватизм — как социализм и либерализм — три великие идеологии (их можно назвать и стилями мышления) Нового времени. Без них нельзя понять, что происходит в современном мире. Но вот что понимать под современностью? Здесь у меня возникают вопросы и к себе, и к докладчику.

Современность часто описывают в понятиях Просвещения, видят в ней просветительский проект. Но что считать Просвещением? Обычно под Просвещением в социально-политическом смысле мы понимаем преимущественно англо-французское Просвещение, т. е. сводим его к обоснованию общественно-договорной теории права. Если видеть

только в этом суть Просвещения, то докладчик прав: консерватизм — это то, что приходит на смену Просвещению, пытается восполнить допущенные им провалы и потери. Но Просвещение, как я думаю, не сводится к одной лишь защите естественных прав человека. Кстати, когда просветители говорили о «естественной природе» человека, они имели в виду не его физическую или биологическую, а *человеческую* природу. «Естественный человек» в представлении просветителей — не животное и не физический организм, а существо, наделенное от рождения свободой воли и разумом. И потому оно живет не просто в природе и обществе, но и в истории. Для немецкого Просвещения Новое время, современность — это время осознанного вхождения человека в историю. По словам Мишеля Фуко, «XIX век — это век истории». С этой точки зрения, современный человек — это человек, способный жить не просто в том или ином социально организованном пространстве, но и в *историческом* времени. Скажут, люди и раньше жили во времени. Но они жили в хронологическом, календарном времени, которое нельзя отождествлять с историческим временем: первое имеет точную датировку, второе делится на прошлое, настоящее и будущее. Для человека, считающего себя современным, действительность существует в трех основных измерениях — прошлое, настоящее и будущее. Эти времена не эквивалентны друг другу, и каждое из них получает отражение в соответствующем ему типе идеологии: современность, рассмотренная под углом зрения прошлого, — это, конечно консерватизм, под углом зрения настоящего — либерализм, а будущего — социализм или коммунизм. Жить в истории, т. е. быть современным — это и значит совмещать в своем бытии все три времени.

Нельзя жить в истории, не ориентируясь на определенную цель, на будущее, которое, очевидно, не является простым повторением прошлого, а если и воспроизводит его, то в какой-то новой форме. Иными словами, нельзя быть современным, мысля лишь в логике консерватизма. Если консер-

ватизм есть тоска по утраченной целостности, по тому, что Маркс, говоря о восточных цивилизациях, называл «связующим единством», понимая под ним государство, возвышающееся над аграрными общинами, то чем сегодня может быть это единство? Можно понять устремленность консерватизма к восстановлению единства социального космоса, даже разделять эту устремленность. Но где и в чем искать это единство в наше время? На том же Востоке, т. е. путем отказа от Запада? Или сам Запад знает секрет этого единства? Для многих консервативно мыслящих людей обретение утраченного единства может быть обеспечено возвратом к ценностям христианской морали. Но ведь и христианство имеет восточное происхождение. Я всегда считал христианство восточной совестью Запада. Восток, несомненно, велик своей духовностью. Но как быть с восточной социальностью, которая всегда носила исторически тупиковый характер, никуда не вела, могла лишь стагнировать в социальном плане? Восточная духовность — это самокритика Востока как социального образования. Восток преодолевал себя, уходя не вперед, а на небо, строя духовную вертикаль между собой и небом. Запад опрокинул эту вертикаль в горизонталь: аналогом восточной религиозности стала на Западе социальная утопия. Поэтому, когда говорят, что утопия — это нечто вредное и ошибочное, то на это можно возразить, что без утопии нет истории. Мир без утопии — это антиутопия, т. е. мир без всякой надежды на лучшее будущее. Кстати, светский консерватизм — тоже своеобразный вид утопизма, только обращенный назад.

Я думаю, что консерватизм столкнулся с проблемой, которую нельзя решить путем простого обращения к прошлому, — с проблемой утраты в современности всего того, что раньше называлось вечностью. Если эпоха домодерна (традиционного общества) жила под знаком вечного возвращения, движения по кругу, бесконечного повторения одного и того же («нет ничего нового под Луной», «все опять повторится сначала»), т. е. под знаком социальной космологии (в ее метафизическом или

религиозном истолковании), о которой говорил докладчик, то эпоха модерна пребывает в состоянии постоянной подвижности, конечности, изменчивости всего существующего, лишена всякой субстанциальности и универсальности. В ней нет ничего сверхличного, что связывало бы людей помимо их индивидуальности. В этом докладчик, как я его понял, и видит главную утрату Нового времени (под влиянием Просвещения), которую так или иначе призван восстановить консерватизм.

По констатации Зигмунта Баумана, в современной культуре рушатся все мосты, соединявшие ранее время человеческой жизни с вечностью. Время как бы одержало полную победу над вечностью. Можно ли восстановить утраченную между ними связь? Таким мостом в современном мире, позволяющим соединить время с вечностью, вернуться к утраченной целостности (и, следовательно, стать главным кредо современного консерватизма), является, согласно докладчику, национальное государство, хотя, по мысли того же Баумана, с которой я согласен, и этот мост сегодня рушится под воздействием процесса глобализации. Но можно ли, живя в истории, вообще говорить о какой-то вечности? Неприятие истории — характерная черта любого сознания, обеспокоенного утратой «вечных ценностей». Либо вечность, либо история — так ставится вопрос. Наиболее спорным в позиции консерватора мне как раз и кажется его отношение к истории, его стремление каким-то образом освободиться от нее, найти решение вопроса не в будущем, а в прошлом.

И у нас в России с историческим временем большая проблема: мы его явно не любим, боимся, не ждем от него ничего хорошего. Все, что движется во времени, вызывает у нас чувство опасения и тревоги, надвигающейся угрозы, неминуемо ожидающей нас беды. Движению во времени предпочитаем расширение в пространстве, более озабочены местом России в мировом пространстве, чем в мировой истории. И судим о нем преимущественно в терминах геополитики, а не хронополитики. Высшими достижениями в своей прошлой исто-

рии считаем присоединение новых земель, но не реформы, менявшие облик страны. Даже реформы Александра II и Столыпина трактуются многими не как движение вперед по пути обновления России, а как вынужденная мера по упрочению традиционной власти. А сегодня хорошим тоном считается возвеличивание правления Ивана Грозного и Александра III с их ориентацией на укрепление и стабилизацию существовавшего порядка. Все наши революции почему-то заканчивались реставрацией — восстановлением того или иного подобия старого режима. Такое впечатление, что они совершались не ради ликвидации этого режима, а ради его спасения и сохранения, пусть и в модифицированной форме. На протяжении последних трехсот лет Россия прилагала огромные усилия по своей модернизации, создавая впечатление неизвестно куда мчащейся тройки, а воз вроде бы и ныне там. Триста лет модернизируемся, но никак в этот модерн попасть не можем.

Нет слов, консерваторы остро чувствуют утраты и потери, произошедшие с приходом современности, распад изначальной целостности общественного бытия людей. И их критика современности в этом смысле вполне оправданна. Но как возродить эту целостность? На мой взгляд, решение проблемы лежит все же впереди, а не позади нас. Оно возможно на пути не ограничения человеческой индивидуальности и свободы, получивших развитие в модерне, а поиска качественно новой формы социального объединения людей, которая, предлагается, например, социализмом. В этом смысле консерватизм, либерализм и социализм существуют в современном мире по принципу не взаимоотрицания, а взаимодополнительности. Конечно, никто не может быть одновременно консерватором, либералом и социалистом, но на то и демократия — она позволяет сосуществовать в политическом пространстве людям с разными убеждениями и взглядами. Важно то, что любая попытка абсолютизировать какую-то одну из идеологий, объявить ее единственно правильной ведет к концу истории или, точнее, заводит ее в тупик.